

Бабушка Пастернака **Из цикла зарисовок о Вениамине Абрамовиче,** **искусствоведе и человеке**

В момент моего явления заместитель директора по научной работе Вениамин Абрамович в полемическом задоре размахивал растопыренной пятерней перед нежно розовеющим носом несколько осоловевшего, однако неизменно склонного к активному оппонированию художника Паши Митриева. Последний, в свою очередь, потрясал на виду Абрамыча тусклым осыпающимся холстом на обшарпанном подрамнике. Сюжет дополняла недопитая бутылка коньяка стоматологического "Десна", нашинкованный толстыми колбасными ломтями мятый лимон и груды припорошенных табачным пеплом высоконаучных бумаг на обширной столешнице. Прибывшие со мною девственницы — бутылка водки "Хортица" и банка арахиса — кратковременно облагородили интерьер.

"Нет, ты мне скажи, — агрессивно вопрошал Вениамин Абрамович, оскалившись немногочисленными потертыми зубами, — сколько ниток у нас приходится на сантиметр холста?!" — "Веня, — уныло отбоявровался Митриев, — разве количество ниток тут может служить определяющим фактором в вопросах датировки?!" По всему было видно, что витающему в изрядно сгустившихся коньячных эмпиреях Паше едва ли удалось бы сосчитать нитки даже под дулом имени предпринимателя Калашникова.

"А рука, — горячился искусствовед, и мефистофельский профиль его обретал все более ощутимую рельефность и завершенность, — рука! Гляди! Ты в жизни своей надоедливо нескончаемой видал ли такую руку?! А?! Как смело, как безоглядно решительно выписан мизинец! Только Пастернак мог себе такое позволить! Только он! А не те, что и мизинца его не стоят! И обрати свое померкшее внимание: натурщица водит пальцем по книге справа налево, — голос искусствоведа предательски дрогнул, срываясь на фальцет, — ты понял меня, знаток хренов?! Это же наша интеллигентная бабушка одесской национальности!" Абрамыч многозначительно погрозил Митриеву пальцем. Почему-то указательным.

Пользуясь сумятицей, я наполнил вместительный стаканчик, но не тут-то было. Паша сквозь очки блеснул в мою сторону негодующим взором: "Беру тебя в свидетели, Кубарь. Смотри сам: свинцовые белила пробуравили холст навывлет, а наш записной эксперт Веня утверждает, что сие есть банальнейший грибок. Как это на ядовитом свинце могла столь буй-

но, по-весеннему взрасти плесень?! Это ж не мухомор какой-нибудь образцовый! Возмутительное шулерство!" — "Очки, — надменно откликнулся Вениамин Абрамович, презрительно махнув костлявыми фалангами, шарнирно притороченными к пергаментной ладони, — оправа, эти блики, этот грациозно бликующий металл! Прописано не линией, а точками! Точками!" — "Морзянкой", — отзываюсь ехидно. "Именно так, как прописано пенсне жены Льва Николаевича, — убедительно жестикулирует Абрамыч, — ты, Кубарь, сам видел пастернаковское "Под лампой", сделанное в имении Толстых. Здесь то же самое, один к одному! Двести процентов!"

Обстоятельно выпиваю в два приема, поочередно и со значением заглядывая в глаза истцу и ответчику. "Двадцатые годы!" — с невозмутимо мягким сарказмом высюсюкивает Митриев. "Восьмидесятые, голову на отрез!" — тавтологически отрезает искусствовед. "Смутное время... Магазины затоварены, — неспешно, с достоинством гнет свое Паша (*время, затоважены* — его более чем легкое грассирование от искреннего негодования посягает на картавость!), — цинковые белила дороги (*догоги!*)..." — "Сам ты фальсификатор!.. Нет, я насмерть буду стоять, что бы ты там ни доказывал! Это Леонид Осипович!" — картинно меняет интонацию Абрамыч, демонстрируя симптоматичные навыки голосистых лекторов общества "Знание". "Утесов?" — уточняю вполголоса.

"Бабушку Пастернака" среди разнообразного хлама откопал на развалках Староконного базара (легендарного блошиного рынка) наш находчивый добрый приятель, везунчик Гурген Агдамян, которому еще воздастся по заслугам. Вениамин Абрамович увидал бабушку и обомлел. Он в бабушках толк знает, ибо сам свежеиспеченный дедушка. Старушка с молдаванской барахолки и в самом деле представляется неправдоподобно по нынешним меркам интеллигентной. Трогательно склонившись над опрареленным в белую накрахмаленную скатерть столом, непреклонно доброжелательная, в темно-синем, чуть ни панбархатном, платье, с седеющим "кубликом", она (похоже, и точно справа налево) с заметным аппетитом читает толстенную книжицу.

"Я ее атрибутировал, — подводит черту Абрамыч категорически, — и останусь на своем!" — "Он атрибутировал бабушку.. Ты слышишь, хужожник, что он с нею сделал..." — я нахально ухмыляюсь. Осоловевший было Паша моментально реанимируется и хрипло хохочет: "Ага, так это, выходит, заместитель директора по науке атрибутировал безропотную старушку на Дерibasовской угол Ришельевской?!" Безропотную или безотказную?..

Не к ночи будет сказано, мы с энтузиазмом выпили, тогда как атрибутированная бабушка оскорблено уткнулась в недочитанный талмуд.

"Какие люди", — резюмировал Вениамин Абрамович весомо. "Нет, вы только подумайте, — снова встрепенулся Митриев, — и все отсюда, все наши!" — "Все пастернаки? — уточняю в сторону. — А, нет, есть еще один Кандинский". (Вениамин Абрамович помешан на Кандинском, а Пастернак так, с боку припеку, со стороны бабушки.) Паша сделал эффектную паузу, после чего изрек проникновенно, с неким привычно священным трепетом: "Давайте выпьем за Одессу!". Вениамин поддержал с ироническим пониманием: "Давайте". Как нечто сакраментальное. Взъерепенившись, вступаю за "Бабушку Пастернака": "За Одессу пить не стану. За одесситок — пожалуйста". "Ты что, не патриот?" — спрашивает Паша с интонацией кинематографического провокатора. "Нет, не патриот. То есть не местечковый патриот". "А мы, — художничек даже как бы трезвеет, — по-твоему, местечковые?!" Я: "Ну, как тебе сказать... Знай наших, да? Одесса — родина слонов, кинематографа, бычков в томате и языка суахили... Водку будете?" Паша, с той же интонацией: "А что?" — "Ну, вы же, вроде, по коньячку..." Паша: "Так одна ж мама". Я: "Ты снова за Одессу?" Вениамин Абрамович, примирительно: "Допиваем непатриотическую "Хортицу", и я бегу за коньяком местного производства". Блаженны миротворцы... И точно, порыскал.

Сидим. Жуем сполы. И тут меня осеняет: "Знаешь, Митрич, а что если это и есть та самая бабушка?!" Паша подозрительно, но со все более пробуждающимся пиететом взирает на портрет. Продолжаю проникновенно: "И ее сначала написал один Леонид Осипович, а впоследствии воспел другой Леонид Осипович?!" Явившись минутой позже, Абрамыч застает нас торжественно-молчаливыми, исполненными некоего тайного знания и бережно передающими осыпающуюся бабушку из рук в руки, но истолковывает ситуацию по-своему: "Ну что, убедились, наконец, олухи царя небесного?! Моя правота! Ведь он же, он! Его рука и бабушка!" Я, как бы уступчиво: "Ладно, наливай свой стоматологический". Художничек Паша, снисходительно поглядывая на искусствоведа: "Давай уже, черт с тобой". "За это таки стоит выпить", — воспаряет Вениамин Абрамович победительно. "Согласен, — Митрич на манер Иоанна-Павла Второго степенно помавает рукой, — за бабушку Пастернака!" "И Утесова, — прибавляю истово, — короче, за многострадальных старорежимных бабушек!"

Звонит Агдамян: они с бутылкой уже на подходе, но еще не знают развязки. Кто-кто, а уж Гурген точно оценит. Это ж его отец, узнавши о рождении внука,отреагировал философически: "Стать дедушкой не стыдно. Стыдно спать с бабушкой".